

Куда ушли 180 миллиардов рублей Российского научного фонда

Глава РФФ Александр Хлунов рассказал о новых конкурсных правилах и бюджете на 2023 год

Генеральный директор Российского научного фонда Александр Хлунов

из личного архива

Вместо публикаций в научных журналах международных наукометрических баз данных Web of Science и Scopus, которые требовались для отчета по грантам фонда в прошлом, теперь понадобятся статьи в ведущих отечественных и зарубежных журналах, сообщил в интервью «Газете.Ru» генеральный директор Российского научного фонда Александр Хлунов. Также он рассказал о бюджете фонда, самых эффективных «научных регионах» и обсуждаемых идеях финансирования фондом не только фундаментальной, но и прикладной науки.

— Александр Витальевич, вы руководите Российским научным фондом. Для чего он был создан, в чем его уникальность?

— Российский научный фонд — один из финансовых инструментов в России, который осуществляет поддержку фундаментальной науки на грантовой основе. Это деньги, которые ученый может получить на свой проект, помимо зарплаты от его института или университета. Они нужны, так как не все идеи исследователей «ложатся» в государственное задание, которое они получили от руководства, а иногда эти идеи очень хороши и полезны для общества. Чтобы помочь ученым их реализовать, придумана система грантов. Отбор лучших проектов осуществляют три экспертных совета, в своих

решениях они опираются на мнение более чем 7 тысяч экспертов. В РНФ есть разные грантовые линейки. Мы отдельно поддерживаем молодежь и взрослых, маленькие проекты и лаборатории, которые созданы для доведения идей до производства.

— **Вы распределяете только государственные деньги?**

— Сейчас да. Несколько лет назад у нас были частично корпоративные деньги, но с 2021 года только государственные.

Деньги довольно большие: с момента основания РНФ мы направили на финансирование проектов более 180 млрд рублей.

Цель нашей поддержки — создать условия не хуже, чем за рубежом — в среднем мы выделяем 7 млн рублей в год на один проект. Это размер гранта, который примерно соответствует тому, что дают в США и в европейских ведущих фондах.

— **А сколько всего вы распределяете в год?**

— На сегодняшний день это сумма в 33 млрд рублей, в 2023 году в соответствии с законом о бюджете мы планируем выйти на 42 млрд. Это существенный рост с 2014 года, когда мы запустились. Мы начинали с 7 млрд рублей.

Сейчас мы финансируем более 7 тыс. проектов, это 50 тыс. российских ученых, получивших поддержку.

— **А как поддерживается молодежь?**

— Первые годы молодежь конкурировала наравне со всеми, были успешные проекты, но речь о системной поддержке не шла. В 2017-м году мы запустили президентскую программу исследовательских проектов, в рамках которой уже появились специальные конкурсные линейки, направленные исключительно на молодежь.

Мы выделили две категории. Кому 33 года и младше, и они сумели защитить кандидатские диссертации, но по факту, несмотря на диплом государственного образца, самостоятельности в их работе не прибавилось, они по-прежнему зависят от руководителей лабораторий, структурных подразделений. Этот конкурс мы называем «Конкурс для постдоков». Он направлен на то, чтобы люди, которые де-юре получили право на самостоятельную научную работу, получили право и де-факто тоже. За время реализации программы практически 2,8 тыс. человек получили индивидуальные гранты.

Второе направление президентской программы — «Молодежные группы под руководством молодых ученых». Мы давали до 6 млн в год на протяжении трех лет молодым людям до 35 лет, которые должны были возглавить молодежные научные коллективы. За 5 лет 2,2 тыс. человек получили такую поддержку. И вот только что (1 июля) стали известны результаты двух молодежных конкурсов за этот год, будет поддержано около 1000 проектов.

— **И сколько таким образом вы выделили средств?**

— Более 30 млрд рублей за 5 лет существования президентской программы, и это только молодежные проекты.

— А бывает так, что молодежь попадает не надежная и проекты не реализуются, их приходится закрывать?

— Бывает. Иногда коллективы распадаются или не выполняют планы. Но в год это не более 10 проектов из тысячи, то есть это не столь значимая цифра. Мы видим, что значительная часть — до 30% тех, кто получил такую поддержку — принимают участие и становятся победителями уже во «взрослых» конкурсах и наравне конкурируют со своими старшими коллегами. То есть понятие «закрепления в науке» материализовалось и в конкретных цифрах статистики.

Становится весомой ранее малочисленная прослойка ученых от 35 до 40 лет, теперь в структуре науки их количество значимо. Более того, мы наблюдаем постоянный приток молодых исследователей, а аспиранты и студенты в составе коллективов чувствуют себя комфортно и получают вполне адекватную заработную плату.

В среднем в прошлом году аспирант, работающий по гранту РНФ, мог заработать дополнительно до 30 тысяч рублей в месяц.

— Раньше существовал еще фонд РФФИ, который выдавал деньги не только коллективам, но и отдельным исследователям. Причем с формулировкой «на собственные нужды». Вы так делаете?

— Действительно, такая практика была. Но у нас возникло много вопросов: что такое собственные нужды, в чем они заключаются у каждого конкретного человека? РНФ не готов эти вопросы обсуждать, мы оперируем лишь понятием «результативность». У нас в открытом доступе опубликована подробная информация по всем поддержанным проектам и их результатам — вы можете открыть наш сайт и сами убедиться в этом. Все-таки ученый тратит деньги налогоплательщиков, поэтому, как мы считаем, он должен выдавать результат, имеющий отношение к нуждам общества, а не к своим нуждам.

— Очень часто ученые говорят: как только я получил грант, я перестал заниматься наукой, так как теперь я оформляю бумаги. Существует ли такая проблема бюрократическая в РНФ?

— Нет никакой проблемы. Вернее, так: когда нет научных результатов, наверное, приходится много писать, что-то придумывать. Когда есть публикации в Nature или Science, такой вопрос не стоит.

— Ну вы же не будете отрицать, что у российских ученых все сложнее ситуация с приемом их статей в иностранные журналы, коллаборациями, выступлениями на международных конференциях?

— Есть некоторые проблемы с подпиской, но это не значит, что статьи российских ученых не принимаются к публикации. Впрочем, оценивая текущую обстановку, мы отошли в конкурсной документации от Web of Science и Scopus (международные наукометрические базы данных), было по этому поводу и решение правительства. У нас сейчас отсутствуют эти слова в конкурсной документации, нужны публикации «в ведущих отечественных и зарубежных журналах».

— Не секрет ведь и то, что в России довольно мало приличных научных журналов. Это направление будет поддерживаться, развиваться?

— Сейчас правительство прилагает все усилия, чтобы существенно повысить поддержку отечественных научных журналов. Разрабатывается программа, которая в ближайшее время будет запущена.

Количество российских журналов, где высокий уровень экспертизы, явно вырастет, и мы согласны оперировать наукометрией из этих журналов как частью экспертизы. Вместе с тем остается большое количество зарубежных журналов, которые наших ученых по-прежнему публикуют.

— Но ведь нередко зарубежные публикации надо оплачивать. Как теперь платить-то? Биткойн?

— Некоторое время назад мы проводили специальное заседание экспертных советов по этому вопросу. Я бы не сказал, что кто-то жаловался, что все кардинально поменялось. Есть зарубежные журналы, которые не требуют оплаты. Кроме того, в России осталась часть банков, которые могут совершать такие финансовые операции.

— Я знаю, что в сумму гранта РФ входят деньги на оплату зарубежных публикаций, которая может быть довольно большой. Так, может, теперь сэкономим на этом?

— Действительно, наши гранты предусматривают возможность оплаты зарубежных публикаций, в ряде журналов эта сумма может достигать до \$3,5–5 тыс. В первую очередь, я говорю о журналах с открытым доступом «Open access», для доступа к ним не требуется подписка, отсюда и возникает вопрос оплаты. Я не думаю, что наши партнеры от этих денег теперь откажутся. Кроме того, наши научные результаты нужны всему мировому сообществу.

Вы видите, что и президент Соединенных Штатов, и премьер-министр Великобритании с огромным вниманием относятся к российским ученым, приглашают их к себе.

— А вы, получается, ровно на противоположной стороне. Борис Джонсон говорит: «Приезжайте». А вы: «Пожалуйста, не надо ехать к Джонсону, вот вам грант на исследование». И поэтому реально уезжает меньше ученых?

— Да, мы видим это, так как у нас во всех грантовых линейках сохраняется высокая конкурентность.

— Что это значит?

— Ну, возьмем молодежные конкурсы. В России есть определенная масса молодых людей, которые подпадают под их условия. На протяжении пяти лет мы получаем более трех заявок на одну позицию, которую мы готовы профинансировать.

Это означает, что каждый год подрастает молодое поколение, которое на хорошем уровне в дальнейшем готово продолжать работу в науке. Этим мы гордимся.

— Из каких регионов приходит наибольшее количество заявок, которые получают финансирование?

— Это регионы Центрального, Сибирского и Северо-Западного федеральных округов. Но мы видим, что по соотношению количества грантов РНФ к количеству исследователей сибирская наука самая эффективная. Это прежде всего Новосибирская область.

— В этом году молодежные гранты получили в основном те проекты, где требуется работа с реагентами. Это разная химия, биология. Значит ли это, что РНФ постепенно переключается с финансирования чисто фундаментальной науки на те исследования, которые имеют практическое значение?

— Мы сейчас думаем о том, чтобы немного изменить деятельность РНФ. Но не отобрать деньги у поддержки фундаментальных исследований и направить их в поддержку прикладных, а найти дополнительные источники, которые можно было бы использовать для финансирования следующей стадии. Важно то, что ученые — одни из немногих специалистов, кто может переучиться и заниматься прикладными исследованиями достаточно результативно. Самая главная проблема — сформулировать, что же мы хотим, разработать техническое задание. Это должен делать тот, кто будет в результате производить и получать прибыль. Мы пытаемся наладить этот диалог.

Анна Урманцева

Источник:

[Куда ушли 180 миллиардов рублей Российского научного фонда](#) – Газета.ru (gazeta.ru), Москва, 6 июля 2022.